

В. С. Флёров

**О ПЕРВЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ
МЕСТОНАХОЖДЕНИЙ БАШАНТА.
НЕИЗВЕСТНАЯ ВИЗАНТИЙСКАЯ МИССИЯ
В ХАЗАРИЮ?**

Участие византийских фортификаторов в сооружении Саркела, известное как миссия Петроны Каматиры, общепризнано. Начало строительства Саркела сегодня относят ко времени не ранее 840/841 г. [Сорочан, 2005, с. 553–572]. Источники не сохранили сведений о более ранней активности византийцев в Хазарском каганате, а историки и археологи не обращали внимания на давнюю мысль М. И. Артамонова о появлении кирпичного строительства на Нижнем Дону задолго до Саркела в другой крепости – Семикаракорской. Раскопки ее, а также белокаменной Правобережной Цимлянской, дали серию находок, позволивших автору ставить вопрос о сооружении двух названных крепостей, если и не при непосредственном содействии византийцев, то с использованием образцов византийских строительных материалов [Флёров, 2013]. Обе возникают в конце VIII – начале IX в., т. е. за 40–50 лет до Саркела. Со временем их хронология будет уточняться.

Крепости Семикаракорская, Правобережная Цимлянская, Камышина и Саркел расположены на берегах Нижнего Дона, служившего для византийцев водным путем. Оставляя в стороне вопрос об их проникновении на Северский Донец и Средний Дон вплоть до Маяцкой крепости [Тишин, Флёров, 2016], рассмотрим левый приток Дона – реку Маныч и ее бассейн, остающиеся сегодня самыми

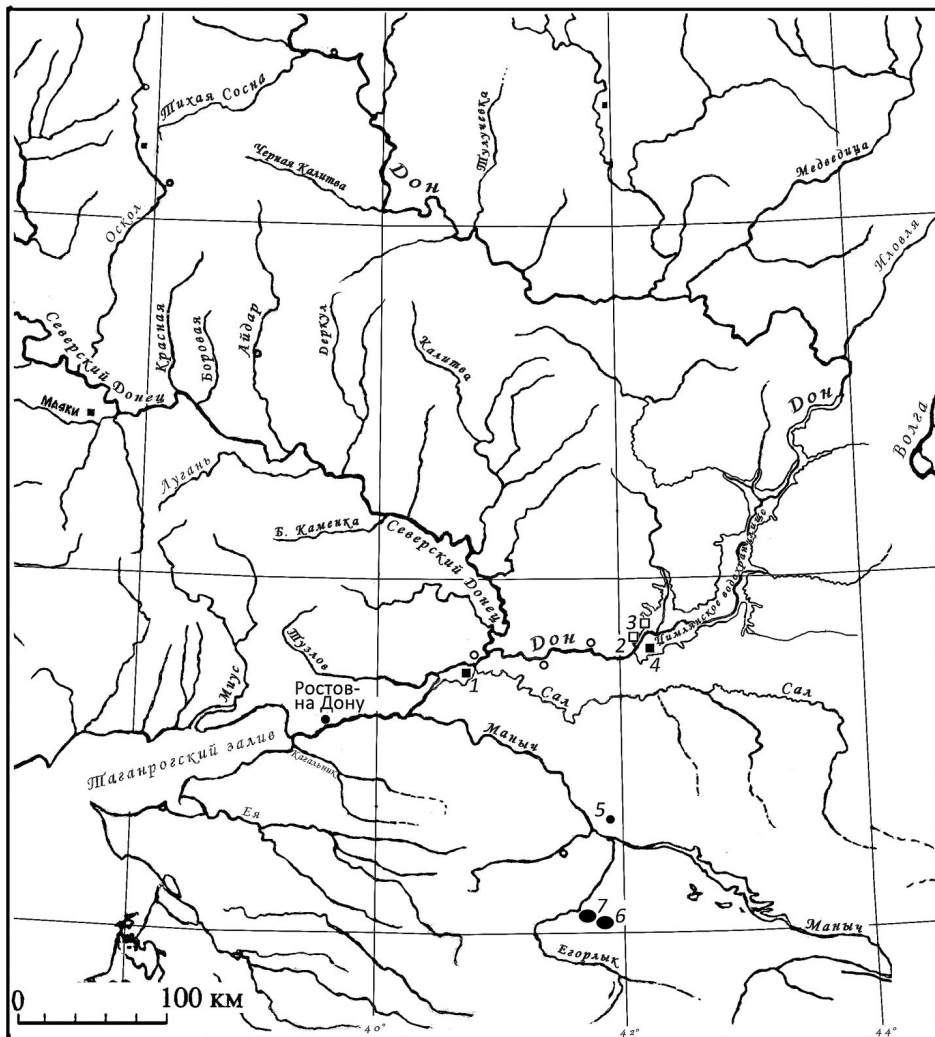
малоизученными территориями Хазарского каганата. Были ли на берегах Маныча, особенно в нижнем его течении, значительные поселения и городища, остается неизвестным. Если и были, то уничтожены с превращением русла реки в сплошной каскад водохранилищ. И все-таки есть основания предполагать, что были, так как в конце XIX в. примерно в 125 км от устья Маныча у станицы Великокняжеской (сегодня г. Пролетарск) случайно обнаружены кирпичи, амфоры, другие предметы [Археологические известия..., 1895, с. 372, 373. Каталог..., 1979, с. 90. Нидзелинская, 2007, с. 207]. Л. Ю. Нидзелинская считает, что амфоры датируются не позднее середины IX в. Археологические изыскания по свежим следам не были проведены. В итоге невозможно сказать, из какого типа памятников происходили находки. Некоторые исследователи предположительно называют местонахождение у ст. Великокняжеской городищем [Посегун, 2012, с. 218], хотя кирпичи и амфоры не являются признаками исключительно городищ.

В бассейне Маныча за истекшее более чем столетие не было обнаружено сколько-нибудь значимых поселенческих памятников салтово-маяцкой культуры. Такое положение сохранялось до первых сообщений о неожиданном открытии двух местонахождений.

Первое из них, Башанта-I, обнаружено Л. Д. Манджиковой в 2008 г. на р. Егорлык – небольшом левом притоке Маныча в 160 км южнее Семикаракорской крепости и всего лишь в 60 км южнее ст. Великокняжеской [Очир-Горяева, фон Карнап Борнхейм, Кекеев, Манджикова, 2011, с. 63–70].

Его обследование начала в 2010 г. М. А. Очир-Горяева, первоначально датировавшая памятник широко – домонгольским временем [Очир-Горяева, фон Карнап Борнхейм, Кекеев, Манджикова, 2011, с. 63]. Представленные в коллекции фрагменты круглодонных амфор VIII–IX вв. дали мне возможность отнести всю коллекцию ко времени Хазарского каганата¹. Естественно, технологию их изготовления никак нельзя связывать с волжскими болгарами, о чем писали соавторы [Очир-Горяева, фон Карнап Борнхейм, Кекеев, Манджикова, 2011, с. 70].

¹ В 2011 г. М. А. Очир-Горяева пригласила меня в Элисту для консультации по хронологии, керамике и черепице Башанты. Выражаю признательность Марии Александровне за подробный рассказ о местонахождении находок и комментарии к отчетам о раскопках.

Илл. 1.

1 – Семикаракорское городище, 2 – Правобережное Цимлянское городище,
3 – Камышино городище, 4 – Саркел, 5 – местонахождение Великокняжеское,
6 – Башанта-I, 7 – Башанта-II.

Самые ценные в научном отношении находки в Башанте, особенно в плане хазаро-византийских контактов, – фрагменты черепицы, имеющие то же северо-причерноморское происхождение, что и сопутствующие им амфоры. Я сообщил М. А. Очир-Горяевой

мое заключение о некотором сходстве (но не идентичности!) черепицы Башанты с той, что была обнаружена в Правобережной Цимлянской крепости (об этом см. публикацию: [Флёров, 2001])². Что не смогли определить соавторы: черепица из Башанты не просто аналогична крымской, но, по моей оценке, *привезена* из Крыма или с Таманского полуострова. Среди нее керамида с водосливными валиками. Это первый случай обнаружения черепицы с валиками не только в обширном бассейне Нижнего Дона, но и на всей территории Хазарского каганата.

Не может не обратить на себя внимания и еще один вид строительного материала из Башанты – небольшие «обтесанные камни-ракушечники» размерами 32 : 30 : 10 | 50 : 40 : 12 см и др.

Третий вид строительного материала из Башанты – «сырцовые кирпичи» (названы «саманом»). Размеры их определены приблизительно (57 : 14 | 40 : 12 | 38 : 12 см). Один примерно 40 : 15 : 15 см. В отношении кирпичей имеется некоторая неясность, касающаяся их поштучного залегания в культурном слое, причем в недеформированном состоянии [Очир-Горяева, фон Карнап Борнхейм, Кекеев, Манджикова, 2011, с. 67, 69, рис. 4].

В ряде случаев представленная в сообщении информация трудно поддается интерпретации, нуждается в дополнительных разъяснениях. Характеризовать на ее основе Башанту (поселение? городище?) по шурфам не представляется возможным, границы памятника не установлены. Преждевременно писать о нем как о «памятнике городского типа» [Очир-Горяева, фон Карнап Борнхейм, Кекеев, Манджикова, 2011, с. 70]. В заголовке следующей публикации он подается именно таким – «городского типа» [Очир-Горяева, фон Карнап Борнхейм, Кекеев, 2011]. В публикации, отмечу, впервые произведена дифференциация черепицы на «плоскую с бортиком и полукруглую в сечении». Иными словами – на керамида и калиптеры.

Дополнительная информация о Башанте-I содержится в еще одной публикации, в которой памятник назван – «урбанный» [Очир-Горяева, Ситдилов, 2016, с. 256]. Интересны в ней сведения о декоративно оформленных камнях с полукруглым валиком и фрагментах декоративных камней из ракушечника с заполированной

² М. А. Очир-Горяева ошиблась: моя публикация, на которую она ссылается, посвящается семикаракорским черепице, а не правобережной цимлянской [Флёров, 2001].

или заглаженной поверхностью [там же, с. 255]. В традициях салтово-маяцкой культуры такая обработка каменных деталей неизвестна. Возможно, речь идет об архитектурных деталях. Не исключая, что найдутся и более выразительные (предполагать позволяют находки капителей и колонн в Саркеле).

«Камни» с полированной поверхностью бывают покрыты штукатуркой (странный прием – перед оштукатуриванием полировать поверхность). Первый вид штукатурки, рыхлый белый, представлен наибольшим количеством фрагментами. Он при помещении в воду «издает шипение, которое быстро прекращается» (выделение углекислого газа? – В. Ф.). Может быть, это недостаточно гашеная известь? Второй вид, судя по описанию, действительно может являться штукатуркой. Ее находки более редкие. «Она представлена мелкими фрагментами более плотной массы светло-оранжевого цвета... При помещении в воду этот вид штукатурки не издает шипения... по плотности напоминает кафельную плитку» [там же, с. 255]. Эти характеристики заставляют вспомнить о штукатурке в Правобережной Цимлянской крепости, но по цвету белой [Флёров, 2013, с. 480–481].

Что касается черепицы, то впервые упомянуты калиптеры VIII в. О том, насколько надежна такая точная для них дата, см. ниже.

В 2016 г. появляется сообщение об открытии в 8 км от первой Башанты, теперь получившей индекс «I», местонахождения Башанта-II [Очир-Горяева, Ситдииков, Кияшко, Нага, 2016, с. 23–36] на р. Егорлык в том же Городовиковском районе Калмыкии. На новом памятнике пока произведены только сборы и заложены шурфы. Остановлюсь на некоторых находках.

Керамика. Перечислены немногочисленные фрагменты салтово-маяцких горшков и одного котла с внутренними ушками. О горшках приходится судить только по фотографиям стенок одного кружального с линейным орнаментом и одного толстостенного, но все же не лепного, как пишут авторы (он сопровождается странной подписью «фрагмент обмазки толстостенного лепного сосуда») [там же, 2016, с. 27, 28, рис. 4, 5].

В керамическом наборе, однако, преобладают амфоры северо-причерноморских типов. Упоминаемые фрагменты стенок амфор с мелким зональным рифлением дают основание только предположительно датировать их концом VIII – первой половиной IX в. Малоинформативны фотографии двух ручек и донца (вид внутрен-

ней поверхности) амфор из Башанты-II. Поскольку по найденным фрагментам типы амфор не устанавливаются, то рассуждения авторов о вариантах форм тулова оказываются совершенно излишними, как и упоминания “globular amphoras” с датами VII–VIII вв. (со ссылкой: [Vroom, 2005, p. 60–62]), а равно и отсылки к работам российских авторов [Голофаст, Ольховский, 2013; Якобсон, 1979, с. 164]. Справедливости ради отмечу, что не лучше обстоит дело с датированием амфор по фрагментам на всех поселениях салтовомаяцкой культуры. В статье упомянута «красноглиняная керамика», но что подразумевается под нею не объяснено [Очир-Горяева, Ситдилов, Кияшко, Нага, 2016, с. 25].

Строительные материалы в Башанте-II представлены, прежде всего, калиптерами (о керамидах информации нет). Данные о количестве найденных обломков непонятны. Так, сообщается, что в трех шурфах с мощным культурным слоем были «обильные находки фрагментов керамики, черепицы» [Очир-Горяева, Ситдилов, Кияшко, Нага, 2016, с. 32]. Однако из таблицы «Соотношение видов керамики в подъемном материале и в материале разведочных шурфов» на с. 31 следует иное: в столбце «Черепица» указаны всего 3 фрагмента. В соседнем столбце «Калиптеры VIII в.» – 0 (ноль) фрагментов. Что кроется за делением черепицы на «черепицу» и «калиптеры VIII в.», которых вообще нет? Но если калиптеры не найдены, то как воспринимать утверждение, что наряду с другими находками «форма калиптеров датирует поселение VIII в.» [там же, с. 33]? Что касается форм калиптеров, то выделить среди них относимые исключительно к VIII в. пока не удалось ни одному исследователю крымской и таманской черепицы. Изображений башантинской черепицы, к сожалению, в статье нет. Вернемся к Башанте-I, в описании черепицы которой читаем: «В раскопе 2 были обнаружены 92 находки фрагментов строительной керамики – черепицы. Фрагменты черепицы относятся к массовым находкам. Большинство из них определить трудно. Удалось только в 12 случаях *твердо установить* (выделено мною. – В.Ф.), что они являются фрагментами *калиптер* (так в оригинале. – В.Ф.), датируемых VIII в. Черепица известна из раскопок Саркела (30 экз.), Правобережного Цимлянского городища (313 экз.), Семикаракорского городища (8608 экз.). С учетом находок подъемного материала в период времени с 2008 по 2015 г. на городище Башанта-I собрано всего 217 фрагментов

черепицы. Аналогии ей имеются в Крыму, в средневековом Херсонесе и на горных крепостях – инсарах» [Очир-Горяева, Ситдииков, 2016, с. 255]. После данного пассажа следует ссылка на А. Л. Якобсона [Якобсон, 1964, с. 66, 93]. На с. 66 указанной книги А.Л. Якобсона речь идет о знаках на *керамидах* IX–X вв. и помещен рисунок двух из них. На рис. 31 (с. 93) – также изображения знаков и двух *керамид* (выделено мною. – В.Ф.) Херсона, но уже XII–XIII вв.

Обнаружение блоков – одно из примечательных открытий на Башанте-II. Отдельные блоки достигают размеров 64 : 46 : 25 | 54 : 33 : 16 см. Сообщается и о каком-то строении из камня размерами 16,7 : 16 м, ранее уничтоженном местным населением (хронология его не установлена). Но самой интересной оказалась кладка из блоков в одном из шурфов, назначение которой еще не выяснено [там же, с. 32, рис. 10].

Несмотря на находки блоков, пока следует воздержаться от определения Башанты-II как городища. Нельзя не обратить внимания на то, что в статье М. А. Очир-Горяевой и ее соавторов к Башанте-II применяется термин «поселение» [там же, с. 25, 26, 33], но в преамбуле к статье она названа «городище-спутник» (надо полагать, Башанты-I). План памятника охарактеризован как трапециевидный с эскарпом на одной стороне, но не сообщено главное – размеры памятника. Границы «трапеции» не отмечены ни валами, которые можно было бы трактовать как развалины стен, ни иными археологическими маркерами. Что касается эскарпа, то его наличие требует подтверждения.

Хронология Башанты-II обосновывается следующим образом. «Керамический материал: амфоры византийские и причерноморского типа, салтовские горшки, ойнохойя баклинская, а также форма калиптеров датирует местонахождение VIII в.» [там же, с. 33]. Такое «точное» датирование не может быть принято. Во-первых, ему должна предшествовать большая работа по определению даты каждой из категорий вещей. Во-вторых, ни для одной из них еще не установлены даты, которые укладываются в один – в данном случае VIII – век. Салтово-маяцкие горшки сами по себе вообще не поддаются узкому датированию внутри хронологических рамок салтово-маяцкой культуры. Пока невозможно уложить строго в один век не только калиптеры, но и какие-либо виды амфор и ойнохой, тем более по обломкам.

Илл. 2.

Башанта-II, каменная кладка из шурфа 1/2015 г.

(по: [Очир-Горяева М. А., Ситдииков А. Г., Кияшко Я. А., Нага Т., 2016, с. 32, рис. 10]).

В статье приведены даты местонахождения Башанта-I: середина VII – конец VIII в. «в соответствии с двумя радиоуглеродными датами (622–655 г. при 68,3% и 600–662 при 95,4%) и (672–782 при 90,6%), полученными в Лейбниц-лаборатории Кильского университета (Германия). В соответствии с ними Башанта-I объявляется «наиболее ранним поселенческим памятником эпохи Хазарского каганата восточноевропейских степей» [Очир-Горяева, Ситдииков, Кияшко, Нага, 2016, с. 24]³. Хотелось бы... но среди ее находок не указаны археологические материалы, подтверждающие существование памятника уже в VII в. Свет на хронологию Башанты-I могла бы пролить «серебряная овальной формы пряжка» [Очир-Горяева, Ситдииков, 2016, с. 256], но на данный момент ее изображение не опубликовано.

Итак, по авторским заключениям Башанта-I появляется на пол-века ранее Башанты-II, а впоследствии, на протяжении VIII в., они

³ Получены по кости овцы из шурфа 1: AD 622–655 г. и кости оленя из шурфа 5: AD 672–782.

сосуществуют. Без полной публикации находок такое построение хронологии преждевременно. Тем более что в статье отмечено: «Полная идентичность керамики и строительного материала, а также территориальная близость [Башанты-II. – В. Ф.] к городищу Башанта-I указывают, что новое поселение, вероятно, формирует единую агломерацию. Это позволяет рассматривать их как единый комплекс поселений раннего средневековья» [Очир-Горяева, Ситдииков, Кияшко, Нага, 2016, с. 33], что противоречит одновременности их возникновения, вывод о котором построен на радиоуглеродном датировании. Не стоит радиоуглеродное датирование средневековых памятников считать всегда безошибочным.

Башанта-I и II подверглись лишь самому начальному обследованию. Тем не менее была предложена концепция, согласно которой: «В степной зоне Восточной Европы первые памятники урбанизма датируются эпохой раннего средневековья, а именно временем существования Хазарского Каганата (VII–IX вв.). До последнего времени количество памятников городского типа ограничивалось несколькими, ставшими знаменитыми городищами, расположенными по течению р. Дон – городище Саркел–Белая Вежа (Артамонов, 1962), Правобережное Цимлянское городище (Ляпушкин, 1958, с. 85–150; Плетнёва, 1995, с. 271–369; Флёров, 1995, с. 441–516), Семикаракорское городище (Флёров, 2001, с. 56–70)». Несколько строками ниже список дополнен городищем Камышино, расположенным рядом с Правобережным Цимлянским [Очир-Горяева, Ситдииков, Кияшко, Нага, 2016, с. 23, 24]. Судя по характеру ссылок, взгляды перечисленных авторов на проблему урбанизации в Хазарском каганате не учитывались. Не упомянута иная точка зрения [Колода, 2012; Флёров, 2005; Флёров, 2009; Флёров, 2010; Флёров, 2011]. Но главное, не предложено обоснование урбанизации перечисленных ниже-донских памятников. Что касается первой и второй Башанты, то теоретизированию на эту тему должны предшествовать большие раскопки. Из-за непредсказуемости их результатов более чем преждевременным выглядит этногеографический тезис, появившийся еще до открытия Башанты-II: «К основной доменной территории Хазарского каганата относятся только памятники степей между рр. Дон и Волга, поэтому именно они могут соотноситься с этническими хазарами» [Очир-Горяева, Ситдииков, 2016, с. 257].

Из первых находок в башантинских местонахождениях выделю наиболее, на мой взгляд, значимое – черепица с валиками. Будучи массовой в Северном Причерноморье, она не может не привлечь повышенного внимания при обнаружении в Хазарском каганате. До открытия у Башанты керамиды *без валиков* в небольшом количестве были известны в Саркеле, а затем в большом числе и иных типов обнаружены в крепостях Семикаракорской и Правобережной [Флёров, 2014(1)]. Но черепица Семикаракорской и Правобережной крепостей изготовлена на месте как подражание северо-причерноморской. Об этом свидетельствует технология ее изготовления [Моисеев, 2015, с. 156–179]⁴.

В Башанте-I нет обожженных и сырцовых кирпичей семикаракорско-саркелских форматов (или еще не обнаружены?), а представлены «саманные» иных размеров (57 : 14 | 40 : 12 | 38 : 12 | 28 : 10 | 24 : 12 см). Только последний размер напоминает полуформатные семикаракорские кирпичи, но для полной уверенности не хватает третьего замера – толщины.

Особенности строительных материалов Башанты-I и II, а также то обстоятельство, что они находятся в значительном удалении от донских крепостей, позволили мне выдвинуть следующее предположение, в котором на первое место я вновь ставлю явно привозную черепицу, а затем и использование штукатурки⁵. Не исключено, что новые местонахождения являют следы еще одной византийской строительной миссии в каганат, сведения о которой не сохранились или не были зафиксированы современниками. Была ли она более ранняя по времени, нежели миссия Петроны Каматиры 840/841 г.? [Флёров, 2014(2), с. 237–239; Флёров, 2016, с. 48, 60].

⁴ К сожалению, мне и Д. А. Моисееву осталось неизвестным, сохранились ли в коллекциях Гос. Эрмитажа обломки черепиц из раскопок Саркела. П. А. Раппорт приводит следующие ее характеристики: «...хорошего обжига, красного цвета, из глины, не содержавшей крупных примесей». Этого мало для определения места ее изготовления. Косвенным аргументом в пользу доставки из какого-то северо-причерноморского или иного центра служит ее малочисленность – не более тридцати фрагментов, залегающих одним скоплением. Вероятно, на месте строительства Саркела производство черепицы не было налажено или от него вообще отказались, предпочтя ей местные материалы (рогоз?). Судя по рисункам, черепица Саркела иного типа, нежели семикаракорская и правобережная [Раппорт, 1959, с. 35, 37, рис. 37].

⁵ Предположение выдвинуто мною ранее, на основе еще только краткой публикации Башанты-I.

Данная гипотеза будет проверяться по мере публикации черепицы⁶, «тесаных камней», штукатурки, возможно и архитектурных деталей, а также датирующих предметов из обоих памятников. В свою очередь, это прояснит некоторые проблемы хронологии Семикаракорской и Правобережной Цимлянской крепостей с их черепицей, которые построены при участии византийцев до Саркела.

Остается вопрос, на который сегодня трудно ответить: почему все-таки комплекс Башанта с его византийской керамикой и черепицей оказался в столь, как доселе представлялось, «глухом» районе, не на берегах Дона, до которого 160–170 км к северу, и не на полноводном Маныче, но в 45(!) км от последнего, на его притоке Егорлыке – третьестепенной степной речке? В чем смысл такого расположения?

Возможно, в междуречье Маныча и Сала будет обнаружен еще один памятник, упоминаемый полузабытым автором. Сохраняю его правописание: «По реке Манычу, впадающему в Дон выше Черка-ска на 15 верст, на всем протяжении его, от соляных озер до устья, находится, особенно по правой стороне, много больших курганов, с признаками кирпичных построек: кирпич кладен на извести. Между такими курганами, в нескольких местах, заметны небольшие городища; из них особенно значительно то, которое лежит близ вершин р. Большого Гашуна на хребте, составляющего конец горы *Улки*, известной по русской географии XVI века, и разделяющего ска-ты между рр. Манычью и Салом. Пункт этого городища весьма высок: с него открывается местность во все стороны на далекое расстояние: против других оно гораздо больше обнесено значительным валом; во многих местах заметны основания башен. Внутри вала множество бугров, показывающих места зданий; есть родник с пресною водою» [*Лудафов*, 1890, с. 122. 123]. Маркером, объединяющим местонахождения Великокняжеское и Большой Гашун, выступают обожженные кирпичи, которых нет в памятниках Башанты.

Будет ли сегодня плодотворной дискуссия о местонахождениях Башанта-I и Башанта-II? При уровне изложения и объеме информации первых публикаций ответ может быть только отрицательным. Лишь с полным изданием уже накопленных археологических

⁶ С разрешения М. А. Очир-Горяевой я сделал зарисовки нескольких фрагментов черепицы и передал их ей для публикации, но к настоящему времени сведениями о ней не располагаю.

материалов и при условии продолжения раскопок станет возможным начать серьезное обсуждение башантинского феномена как в плане атрибуции находок, хронологии, так и места всего комплекса Башанты среди уже достаточно изученных археологических памятников каганата.

Случаи, при которых выводы опережают исследования (как с определением городского статуса Башанты-I и Башанты-II), не единичны в археологии Хазарского каганата. То же произошло с городищем Камышино. После единственного полевого сезона реконструирован единый Саркелский комплекс городов в составе Правобережного и Левобережного (Саркел) Цимлянских городищ и самого Камышина. Помимо прочего, воскрешается предположение Б. В. Лунина [Лунин, 1927] о едином городе, частями которого были Правобережное и Саркел [Семёнов, Ларенок, 1999, с. 27–32]. При этом не учтено, что они разновременны.

Другой пример. Городище Самосделка уже при самом начале раскопок приобрело широкую известность как возможные руины Итиля [Зиливинская, Васильев, 2008, с. 224–226]. Однако, как писали исследователи городища, «доказать или опровергнуть эту гипотезу могут только очень длительные и кропотливые археологические раскопки» [Зиливинская, Васильев, 2006, с. 47]. Раскопки длятся уже более пятнадцати лет, но гипотеза все еще не получила окончательного подтверждения.

Литература

- Археологические известия и заметки. МАО. № 1. М., 1895.
- Голофаст Л. А., Ольховский С. В. Амфорная тара из подводных раскопок в акватории Фанагорийской гавани // ПИФК. 2013. № 2 (40).
- Зиливинская Э. Д., Васильев Д. В. О вероятности локализации города Итиля на Самосдельском городище в дельте Волги // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. Т. II. Санкт-Петербург – Москва – Нижний Новгород, 2008.
- Каталог археологических коллекций Музея истории донского казачества / Составитель Б. А. Раев. Новочеркасск, 1979.
- Колода В. В. [Рец. на:] Флёров В. С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.: Мосты культуры; Гешарим, 2011. 264 с. // Древности. 2012. Харьков, 2012.
- Ларенок П. А., Семёнов А. И. Саркел, Саркел, еще Саркел... // Донская археология. № 3–4. Ростов-на-Дону, 1999.

- Луни́н Б. В. Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1926 г. // Бюллетень Северо-Кавказского бюро краеведения. Вып. 1–6. Ростов-Дон, 1927.
- Моисеев Д. А. Технология изготовления строительной керамики Семикаракорского городища (конец VIII – начало IX вв.) // ХА. Т. 13. М., 2015.
- Нидзелинская Л. Ю. Византийские амфоры с линейно-зональным орнаментом VII–IX веков из собрания донских музеев (опыт классификации) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века / Мат. XII междунар. научн. конф. Ростов-на-Дону, 2007.
- Очир-Горяева М. А., К. фон Карнап Борнхейм, Кекеев Э. А., Манджикова Л. Д. Поселение «Башанта» с каменными постройками эпохи средневековья // ВКИГИ. № 1. Элиста, 2011.
- Очир-Горяева М. А., К. фон Карнап Борнхейм, Кекеев Э. Открытие первого на территории Калмыкии памятника городского типа эпохи средневековья // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. М., 2011.
- Очир-Горяева М. А., Ситди́ков А. Г. Открытие и изучение городища Башанта I эпохи раннего средневековья в Городовиковском районе Калмыкии // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Материалы V Международной Нижневолжской конф. Элиста, 2016.
- Очир-Горяева М. А., Ситди́ков А. Г., Кияшко Я. А., Нага Т. К изучению памятника эпохи средневековья Башанта-II // ПА. 2016. № 4.
- Посегун А. А. Новые данные о поселенческих памятниках левобережья Западного Маныча // ИАИАИАНД. Вып. 26. Азов, 2012.
- Пудавов В. М. История войска Донского и старобытность начал казачества. Вып. 1. Новочеркасск, 1890.
- Раппопорт П. А. Крепостные сооружения Саркела // Тр. ВДАЭ, т. II / МИА № 75. М.–Л., 1959.
- Сорочан С. Б. Византийский Херсонес (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Части 1 и 2. Харьков, 2005.
- Тишин В. В., Флёров В. С. Псевдогреческая надпись «ΥΣ» из Маяцкой крепости. Хазарский каганат // Восточная Европа в древности и средневековье. Письменность как элемент государственной инфраструктуры / XXVII Чтения памяти В.Т. Пашуто. М.: Институт всеобщей истории, 2016.
- Флёров В. С. Черепица крымского образца в Хазарии // Средневековые древности евразийских степей / Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 15. Воронеж, 2001.
- Флёров В. С. Были ли в Хазарском каганате города? Археологический аспект проблемы // Тюркологический сборник. 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005.
- Флёров В. С. Итиль: возможности реконструкции // EURIKA. In honorem Ludmilae Donchevae-Petkovaе. София, 2009.

- Флёров В. С. «Города», «замки» и «феодализм» в Хазарском каганате. Проблемы исследований // Хазары: миф и история. Москва–Иерусалим, 2010.
- Флёров В. С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. Москва–Иерусалим, 2011.
- Флёров В. С. Византийское в ниже-донских крепостях Хазарского каганата // Ῥωμαϊσ: сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана // Нартекс. Byzantina Ukrainensis. Т. 2. Харьков, 2013.
- Флёров В. С. Строительные материалы византийского происхождения в хазарских крепостях Нижнего Дона // Калинина Т. М., Флёров В. С., Петрухин В. П. Хазария в кросскультурном пространстве: Историческая география. Крепостная архитектура. Выбор веры. М., 2014(1).
- Флёров В. С. К периодизации ниже-донских крепостей Хазарского каганата // КСИА. Вып. 236. М., 2014(2).
- Флёров В. С. 2016. Семикаракоры: башня на северной стене и относительная хронология ниже-донских хазарских крепостей // РА. 2016. № 2.
- Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
- Якобсон А. Л. Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. М.–Л.: 1964.
- Vroom J. Byzantine to Modern Pottery in the Aegean. An Introduction and Field Guide. Parnassus Press, 2005.

Список сокращений

- ВКИГИ – Вестник калмыцкого института гуманитарных исследований. Элиста
- ИАИАИАНД – Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов
- КСИА – Краткие сообщения института археологии РАН. Москва
- МАО – Московское археологическое общество
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва–Ленинград
- ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Москва–Магнитогорск–Новосибирск
- ПА – Поволжская археология. Казань
- РА – Российская археология. Москва
- Тр. ВДАЭ – Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Москва–Ленинград
- ХА – Хазарский альманах. Москва–Киев–Харьков

В. С. Флёров

**О первых публикациях местонахождений Башанта.
Неизвестная византийская миссия в Хазарию?**

Резюме

Новые археологические поселения Башанта-I и Башанта-II были обнаружены в 2008 и 2010 гг. в Калмыкии западнее г. Городовиковска на р. Егорлык, приток р. Маныч. Оба относятся к салтово-маяцкой культуре Хазарского каганата. М. А. Очир-Горяева провела на них предварительные работы. В статье изложены критические замечания к поспешным выводам М. А. Очир-Горяевой с соавторами в первых публикациях о Башанте-I и II. Нет оснований датировать их серединой VII–VIII вв. и считать памятниками городского типа. В. С. Флёров выдвигает гипотезу о проникновении на Маныч неизвестной византийской миссии, аналогичной миссии Петроны Каматира. Среди ее следов впервые найденная в Хазарском каганате импортная византийская черепица с валиками.

Ключевые слова: поселения Башанта-I и Башанта-II, салтово-маяцкая культура, неизвестная византийская миссия, византийская черепица.

V. S. Flyorov

**About the First Publications of Locations of Bashanta.
Unknown Byzantine Mission to Khazaria?**

Summary

In 2008–2010 the new archaeological settlements Bashanta-I and Bashanta-II were found in Kalmykia to the west of Gorodovikovska city on Yegorlyk river, inflow of Manych river. Both ones belong to the Saltovo-Mayatskaya culture of Khazar kaganate. M. A. Ochir-Goryaeva conducted preliminary researches on its. In this article the critical remarks are expounded to the hasty conclusions of M. A. Ochir-Goryaeva with coauthors in the first publications about Bashanta-I and Bashanta-II. There are not grounds to date its by the middle of 7th–8th centuries AD and also to suppose that these monuments are municipal type ones. V. S. Flyorov proposes a hypothesis about the penetration to Manych river basin the unknown Byzantine mission, which was similar to Petrona Katamir's one. As a proof of it is the imported Byzantine ceramics with rollers which were found in the Khazar kaganate firstly.

Keywords: settlements Bashanta-I and Bashanta-II, Saltovo-Mayatskaya culture, unknown Byzantine mission, Byzantine ceramics.